

Мельгунов Николай Александрович

**Рассказы о былом и
небывалом**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
Н63

Н63 **Николай Александрович М.**
Рассказы о былом и небывалом / Мельгунов Николай Александрович – М.:
Книга по Требованию, 2025. – 259 с.

ISBN 978-5-519-96103-5

ISBN 978-5-519-96103-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

II.

ИНВАЛИДЪ.

. Ja, Ihr könntet ihn ,
Weil Ihr ihn schuldig *wollt* , noch schul-
 dig *machen*.

SCHILLER.

Шумная толпа мальчишекъ , раздѣлясь на двѣ половины , роплась по обѣимъ сторонамъ закрытой коляски , въѣзжавшей въ одну деревушку по дорогѣ изъ Дижона въ Парижъ. Полунагіе , но съ безпечными и насмѣшливыми личиками , эти дѣти благословенной Бургундіи вертѣлись около экипажа, то забѣгая впередъ и пугая лошадей своимъ крикомъ; то сзади состав-

лая собой живую, движущуюся гирлянду; то снова раздѣляясь на двѣ небольшія колонны и провожая путешественниковъ восклицаніями, смѣхомъ и гримасами. Со стороны можно было принять весь этотъ поѣздъ за маскарадное шествіе, за одну изъ сценъ карнавала. Но недовольныя лица сидѣвшихъ въ экипажѣ и грозный свистъ бича, которымъ почтальонъ искусно разсѣкалъ воздухъ надъ головами неотвязныхъ шалуновъ, показывали ясно, что тѣ, кои были предметомъ ихъ зазорной веселости, не совсѣмъ-то раздѣляли съ ними удовольствія этого праздника.

— «Да когда вы отстанете отъ насъ, проклятые комары?» закричалъ наконецъ почтальонъ, у котораго четверка то и дѣло, что шарахалась изъ стороны въ сторону. «Развѣ вы не видите, что у меня молодыя лошади? Онѣ того и глади, что васъ задавать. Чего вы отъ насъ хотите?»

— Да здравствуетъ Король Англійскій! —
воскликнула толпа, махая шляпами и ручонками.

Но коляска продолжала свой путь вдоль по улицѣ, и ничто не показывало, чтобы путешественники были тронуты восклицаніемъ.

Мальчишки поотстали на нѣсколько секундъ отъ экипажа. По видимому, они совѣщались о чемъ-то. Наконецъ веренища опять окружила проѣзжихъ.

— « Да здравствуетъ Джонъ-буль! » закричало нѣсколько голосовъ.

— Да здравствуетъ Веллингтонъ и Ватерлоо! — пробормотали другіе сквозь зубы.

— « Прочь съ Вилентонъ (Vilain-ton) и Ватерлоо! » — отвѣчали первые съ негодованіемъ. « Да здравствуетъ Императоръ! »

Однако не тутъ-то было. Путешественники сидѣли по прежнему въ углубленіи

коляски, и, казалось, рѣшились не отвѣчать на испытующія воззванія повѣсь.

— « Да это вѣрно не Англичане, » кричали мальчишки позади ихъ: « тѣ-бы давно забросали насъ гинейми, или ругательствами. Ну, друзья, къ дѣлу! » и они снова, какъ волны, окружили экипажъ

— Да здравствуетъ Король Прусскій!

— « Да здравствуетъ Папа! »

— Да здравствуетъ Людвигъ XVIII!

— « И Король Ивето (le roi d'Yvetot)!

— Молчи! да здравствуетъ Россія и славная Русская нація!

Восклищаніямъ конца не было; онѣ, какъ градъ, сыпались на проѣзжихъ.

— « Однако-же, видно, они ни то, ни сѣ, » сказалъ съ досадой одинъ изъ осаждавшихъ.

— Это Русскіе, слышите-ль? ихъ слуга мнѣ сказывалъ, — замѣтилъ другой.

— « Не ужь-то ? » прибавилъ третій ; « мы, однако , усердно кричали: да здравствуетъ Россія ! »

— Вотъ тебѣ нѣ , — примолвилъ четвертый , который , казалось , предводительствовалъ толпою . — Вы , стало быть , не знаете этихъ Русскихъ . Спросили-бы у моего дѣда ; онъ-бы наказыль вамъ про нихъ . Вѣдь они будто изо льду слѣплены : ни капли теплой крови въ жилахъ .

— « Eh ben , vive le sang-froid ! (да здравствуетъ - же хладнокровіе !) » раздалось въ толпѣ , и всѣ хоромъ повторили этотъ каламбуръ , сопровождая его смѣхомъ и рукоплесканіями .

Слова маленькаго предводителя буйной толпы заживо задѣли нашихъ путешественниковъ . Одинъ изъ нихъ , помоложе , высунулся изъ коляски , и подозвавъ къ себѣ насмѣшника , сказалъ ему

— Твое мнѣніе о Русскихъ слишкомъ рѣзко , дружокъ ; но чтобы впередъ ты не

отзывался о нихъ такъ худо, вотъ тебѣ на память.

Мальчикъ отвѣчалъ вѣжливо, но съ важностію :

— « Отъ Русскаго я не приму ни денегъ, ни подарковъ. »

— Да что это значитъ ? — закричалъ, разгораясь, другой путешественникъ, постарѣе. — Чѣмъ мы хуже другихъ народовъ?

— « Ничѣмъ, господинъ; но я не могу принять отъ васъ подарка : честь націи и нашего дома запрещаетъ это. »

— Вотъ что значитъ Французъ, — сказалъ тотъ-же путешественникъ по Русски; — вѣрно ѣсть нечего этому негодяю, а туда-же о чести толкуетъ.

— « Однако, его ненависть къ намъ начинается меня занимать, » возразилъ молодой его товарищъ. « Гдѣ ты набрался, мой милый, этихъ мыслей ? » продолжалъ онъ, обращаясь къ мальчику; « кто научилъ тебя нелюбить Русскихъ ? »

— Деревяшка моего дѣда, — отвѣчалъ онъ пасмурно ; — а еще пуще, слезы его по сынѣ.

— « Чтò , развѣ онъ убить въ Россіи ? »

— Нѣтъ , хуже: онъ живъ , и во Франціи; но живъ для того , чтобъ умереть , можетъ быть , позорной смертію. И все это отъ Русскаго !

— « Странно ! Да гдѣ твой дѣдъ ? »

— Вонъ тамъ , не подалеку отсюда.

— « Веди меня къ нему. »

— Позвольте напередъ спросить у него, можетъ ли онъ принять васъ.

Весь этотъ разговоръ происходилъ уже у дверей трактира (подъ вывѣскою Мавра, съ слѣдующей замысловатой надписью: *avis à ceux qui ne save pas lire : A LA TESTE DU MORE, on vand de l'o-de-vie et l'on fet nopses et festin*) , къ которому подъѣхали наши путешественники посреди насмѣшливыхъ восклицаній недовольныхъ мальчишекъ , обманутыхъ въ своемъ коры-

столюбивомъ расчетѣ? Народное самолюбіе Русскихъ было также мало тронута сарказмами, какъ прежде искушеніями лести. Толпа маленькихъ повѣсь, обезоруженныхъ Русскимъ хладнокровіемъ, надъ которымъ не задолго они забавлялись, разбре-лась по немногу въ разныя стороны и уступила мѣсто зѣвакамъ, коими Франція славится предпочтительно предъ всѣми другими странами; хотя, правду сказать, она и могла-бы намъ Русскимъ удѣлить частицу этой завидной славы.

Между тѣмъ, какъ въ этой толпѣ старыхъ дѣтей, смѣнившей мальчишекъ, толковали о Русскомъ морозѣ, о *Суваровѣ*, о Башкирцахъ, о великомъ Наполеонѣ, о томъ, что въ Россіи нѣтъ хлѣба и что мы ѣдимъ сырое мясо, — наши путешественники заказали себѣ обѣдъ, и ждали назадъ маленькаго ненавистника Русскихъ.

Онъ не замедлилъ воротиться съ извѣстіемъ, что его дѣдушка весьма радъ ви-

дѣтъ у себя господъ иностранцевъ , и что если-бы не деревянная его нога , онъ предупредилъ-бы ихъ , и не заставилъ-бы себя дожидаться.

Французская вѣжливость понравилась даже и старшему путешественнику , такъ что онъ рѣшился пойти вмѣстѣ съ своимъ спутникомъ къ безногому инвалиду.

Этотъ принялъ ихъ на порогѣ своей хижины съ радушіемъ и веселостію, повторилъ свои извиненія , и просилъ ихъ не сердиться на его внука , если онъ преступилъ законы вѣжливости и былъ опрометчивъ въ своемъ сужденіи о Русскихъ. « Дѣти и женщины , » продолжалъ онъ , « вѣчно все увеличиваютъ : для нихъ нѣтъ срединъ ни въ любви , ни въ ненависти. Я не раздѣляю съ нимъ совершенно этого чувства , хотя и лишился ноги , сражаясь противъ васъ. Нога моя осталась въ вашемъ холодномъ отечествѣ ; можетъ быть , она сдѣлалась добычею волковъ и бѣлыхъ медвѣдей.

Не смотря на то, я не потерялъ вмѣстѣ съ нею должнаго уваженія къ націи, хотя и полуварварской, — простите мнѣ это выраженіе, — но умѣвшей стоять за свою независимость. Наполеонъ былъ великой человѣкъ, однако, онъ ошибся въ Русскихъ; я понималъ ихъ гораздо лучше, когда сказалъ своему Капитану при переходѣ черезъ границу: не вынести намъ отсюда костей своихъ. Вы не повѣрите, господа, какое тяжелое предчувствіе овладѣло солдатами нашей великой арміи. У каждаго изъ насъ, какъ свинецъ, лежала на сердцѣ кручина, а объ чемъ? — сами не знали. Но я заговорился, и позабылъ, что вы вѣрно устали съ дороги. Не угодно-ли къ моему очагу? Я не отхожу отъ него съ самаго похода въ Россію; грѣлся у огня, вспоминаю о вашемъ морозѣ. Злой былъ это непріятель; противъ него ничего не сдумѣли ни тактика, ни геній Наполеона. Однако, прошу войти; да осторожнѣй,